

УДК 316.35

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-429-436

**ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РЕГУЛЯЦИИ
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ****CHANGING SOCIAL REALITY IN THE PROCESS OF REGULATION OF DEVIANT
BEHAVIOR OF THE RUSSIAN YOUTH****О.В. Сорокин****O.V. Sorokin**Институт социально-политических исследований РАН,
Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1Institute of Socio-Political Research (Russian Academy of Sciences),
1, building 6, Fotiyeva St, Moscow, 119333, Russia

E-mail: ov.sorokin@gmail.com

Аннотация

Рассматривается процесс саморегуляции девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности. Выделяется саморегуляционная функция социальной реальности с позиции феноменологического подхода. Рассматриваются причины изменения оснований социальных норм в современном обществе: реформирование социальных институтов, распространение ускоренных практик, усиление влияния «значимых других», глобализация и сопутствующие ей изменения, усиливающаяся дифференциация населения. Отмечается, что в основе изменения механизма регуляции девиантного поведения молодежи в переходном обществе лежат процессы, связанные с изменениями в социальной реальности молодежи.

Abstract

The article reveals the process of self-regulation of the deviant behavior of the Russian youth in a changing social reality. The self-regulatory function of social reality is distinguished from the position of the phenomenological approach. Self-regulatory function of social reality is the result of a young man reflection of accumulated knowledge and experience about the surrounding reality in the form of installations. The article defines the term "social reality of the young people". It describes the reasons for changing the bases of social norms in modern society: the reform of social institutions, the dissemination of accelerated practices, the strengthening of the influence of "significant others", globalization and the accompanying changes, the increasing diversity of the population. Normative uncertainty is justified as a phenomenon of social reality. It is noted, that on the base of the change in the mechanism of regulation of deviant behavior of young people in the transform society lies processes associated with changes in the social reality.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение молодежи, социальная реальность, изменяющаяся социальная реальность.

Keywords: youth, deviant behavior of the youth, social reality, changing social reality.

В современном российском обществе актуализируется проблема регуляции девиантного поведения молодежи. Так, согласно данным Росстата, прирост численности несовершеннолетних лиц, совершивших правонарушения, в течение января – апреля 2018 г. составил 0,9% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. [Росстат, 2018]. При этом если в 2010 году было выявлено 559,1 тыс. человек в возрасте от 14 до 29 лет, совершивших преступления, то в 2015 г. данная цифра составила 461,1 тыс. человек, что свидетельствует, с одной стороны, о положительной динамике уменьшения численности молодых

правонарушителей в нашем обществе, и при этом – о сохранении высокого уровня правонарушений среди представителей данной возрастной группы [Росстат, 2017, с. 251]. Высокий уровень правонарушений в молодежной среде и насилия в подростковой среде, появление новых форм негативных девиаций, в том числе и в интернет-пространстве, свидетельствуют о существенных изменениях в социокультурном механизме регуляции поведения молодежи [Сорокин, 2014, 146]. Социокультурный механизм определяет общую направленность мотивационной сферы сознания молодежи в процессе социального развития данной социально-демографической группы. В данной статье предпринимается попытка изучения саморегуляции девиантного поведения российской молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности.

Под социальной реальностью человека А. Шютц понимал социальный мир, который «...воспринимается им как прочное переплетение социальных отношений, систем знаков и символов с их особой смысловой структурой, институционализированных форм социальной организации, систем статуса, престижа и т. д.» [Шютц, 2003, с. 265]. Важную роль в регуляции процессов в молодежной среде играют социальные институты, которые направляют потребности, интересы, установки, ценности молодежи в организованные, предсказуемые, контролируемые формы поведения, согласующиеся с общественными ожиданиями [Зубок, Сорокин, 2010, 16].

Установки, интересы, потребности отражаются в социальных практиках как формы социальных взаимодействий. В роли таких практик в современном динамичном, переходном российском обществе наряду с традиционными зачастую выступают макдональдизированные практики, игризированные стратегии, имитационные стратегии, риск-стратегии, симулякры [Чупров, Осипова, 2011, с. 124]. Таким образом, социальная регуляция в молодежной среде разворачивается в двух формах: в форме целеориентированного регулирования и саморегулирования. В первом случае поведение молодежи направляется в сторону выполнения значимых общественных задач, например, сформулированных в рамках государственной молодежной политики, в случае саморегуляции выбор приемлемых форм поведения осуществляется в процессе конструирования реальности самой молодежью. Так, к примеру, в молодежной среде регулируются выборы стилей одежды, статусные различия, стратегии поведения, построения карьеры, получения образования и т. д.

Рассмотрим, какую роль играют изменения в социальной реальности в регуляции социального поведения молодежи. С одной стороны, реальность выступает как объективно заданная, институционально определенная реальность, с другой – как субъективная реальность, «уловленная индивидуальным сознанием» [Шютц, 2003, с. 96]. Субъективная реальность индивида может находиться во взаимосвязи с социально определенной объективной реальностью. Это важно, поскольку в противном случае складываются препятствия для включения индивида в общественные процессы. Согласованность объективной и субъективной реальностей определяется степенью успешности социализации. Осознание компонентов обобщенной социальной реальности (объективной и субъективной) происходит в процессе познания и осознания ее субъектом как пространства собственного выбора в ходе социализации. Знания о социальной реальности в сознании молодежи определяют общее отношение данной социально-демографической группы и ее представителей к объектам социальной реальности. По мнению Зубок Ю.А., знания в сознании молодежи представлены в форме взглядов и убеждений, «определяющих выбор и самих целей, и путей их достижения» [Зубок, 2015, с. 175]. Изучение субъективного мира раскрывается с позиции феноменологического подхода. В феноменологической методологии социальная реальность познающего субъекта интерсубъективна, т. е. определяется как мир общий для всех нас [Бергер, Лукман, 1995, с. 87]. Таким образом, под *социальной реальностью молодежи в данном исследовании понимается система накопленных знаний и представлений молодых людей об условиях бытия, которая представлена в молодежном сознании в форме установок.*

Социальная реальность обладает саморегуляционной функцией. *Саморегуляционная функция социальной реальности проявляется вследствие рефлексии молодым человеком накопленных знаний и опыта об окружающей действительности в форме установок на общественные признанные и реально конструируемые представления о нормах взаимодействия в пространстве реальности.*

Из данного определения следует, что социальная реальность проявляется в уверенности молодого человека или молодежной группы в достоверности собственных знаний о наблюдаемых объектах [Чупров, 2015, с. 15]. К примеру, если молодой человек или группа молодых людей вкладывают в правонарушение иной, отличный от общепринятого в группе или в обществе смысл, оправдывая для себя данный проступок как должный, справедливый, нормальный, то в этом случае в социальной реальности данного конкретного молодого человека или молодых людей образец негативного девиантного поведения воспринимается как одобряемый. Конечно, с точки зрения общества подобное оправдание девиантного поведения свидетельствует о деформации правового сознания индивида или группы. Для субъекта девиаций (молодого человека или группы молодых людей) в рассмотренном выше примере отношение к образцу негативного девиантного поведения будет нейтральным или одобрительным, соответственно и совершаемые субъектом действия будут трактоваться им как «нейтральные» или «нормальные» с позиции его социального окружения, по сути, социальной реальности данного субъекта [Heckert A., Heckert, D. 2002, p. 449]. В этой связи важно изучить аспект, который раскрывает ответ на следующий вопрос: с чем может быть связана столь отличная от общепринятой трактовка образа социальной нормы и образа отклоняющегося поведения в социальной реальности групп молодежи с преимущественно негативным отклоняющимся поведением в современном российском обществе?

Чтобы ответить на это вопрос, рассмотрим социокультурные факторы, которые определяют существенные изменения в отношении к объектам социальной реальности в сознании молодежи в современном российском обществе. Конструирование социальной реальности в молодежном сознании связано с процессом интернализации и экстерниоризации социальных знаний и социального опыта, в процессе которых складывается идентичность личности молодого человека с нормативной системой, с соответствующими моделями поведения, транслируемыми социальными институтами. Тем самым социальная реальность выступает основанием для интеграции индивида в социальные процессы. В понимании П. Бергера и Н. Лукмана социальная реальность в сознании индивида двухслойная. Базовый слой – первая реальность, усвоенная в раннем детстве в родительской семье. Второй слой образуют искусственные реальности, которые накладываются на первую в процессе вторичной социализации [Бергер, Лукман, 1995, с. 87]. Поэтому к основным факторам, определяющим формирование отношения к объектам социальной реальности в сознании молодежи, следует отнести особенности социализации, социальное положение субъекта, сферу его доминирующих интересов, особенности сознания. В соответствии с социальной реальностью индивид выстраивает модели поведения, в том числе и модели девиантного поведения.

Объективная социальная реальность в отличие от субъективной представлена в сознании индивида в форме образцов поведения, социальных ролей, статусов и способов их достижения как заданных социальными институтами, должных, одобряемых обществом. В стабильно развивающемся обществе модели поведения, которые транслируются социальными институтами, согласуются с представлениями индивида о должном, «нормальном» поведении, поскольку эффективно функционируют целеориентированные механизмы социальной регуляции в форме социальных институтов. Тем самым в процессе социализации личность молодого человека усваивает социально одобряемые качества, принимает модели поведения, транслируемые социальными институтами. В классической социологии данный феномен согласования описан в концепции Э. Дюркгейма о механиче-

ской солидарности [Дюркгейм, 1991]. В условиях традиционного общества индивиды принимают систему норм и требований, не испытывая острых, болезненных расхождений с данной системой.

В современном обществе процессы институционализации и социализации переживают серьезные изменения [Зубок, Чупров, 2016, с. 23]. Социология все больше обращает внимание на нелинейность, непредсказуемость данных социальных процессов. В переходном обществе претерпевают существенные изменения основания социальных норм, которые в прежних типах обществ долгое время для разных поколений оставались неизменными и неизменными. Каковы же причины изменения оснований социальных норм в современном обществе?

Во-первых, в таком обществе социальные институты находятся в постоянном реформировании (например, система права, система образования и науки в современном российском обществе), что затрудняет эффективное выполнение данными институтами своих функций. Вследствие этого социальные институты перестают вырабатывать непротиворечивые, однозначно трактуемые социальные нормы. А это ведет к отсутствию четко заданных эталонов социализированности, исчезновению унифицированных моделей социального развития индивидов и групп, способов их интеграции и самореализации. Так ценностно-нормативная неопределенность стимулирует конструирование в молодежной среде новых нормативных структур. Институты воспитания перестают осуществлять эффективно функции социального контроля, государственные институты (система образования, правоохранительные структуры) не ведут эффективную работу по профилактике правонарушений, наказанию виновных, они борются в большей степени со следствиями, чем с причинами негативных девиаций. Государство все больше самоустраивается из сферы регулирования духовной жизни, перекладывая ответственность за последствия принимаемых решений индивидом на него самого [Бауман, 2005]. Деформация функций социального контроля государственных институтов ведет к усилению влияния неформальных институтов регуляции отношений в молодежной среде. В роли данных неформальных институтов выступают мода, эталоны успешности, субкультурные основания и т. д.). По мнению С.А. Кравченко, «после достижения социумом некоего порога сложности нельзя вернуться к долгоживущим референтам, которые обеспечивают стабильный порядок традиционного типа. Ныне в реальной жизни доминируют короткоживущие, зачастую социально и культурно сконструированные референты, которым адекватен «порядок из хаоса» [Кравченко, 2014, с. 5].

Дисфункция социального института проявляется в неэффективном выполнении или полном невыполнении данным институтом общественных функций [Кудрявцев, 2014, 5]. Дисфункция социальных институтов также проявляется «... в релятивизме и необязательности, а также в размывании социальных ожиданий как основы ролевых моделей, в эрозии регулятивного механизма, неопределенности санкций, в сбое селективной функции. Селективная функция все больше утрачивает меритократические основания... Все это меняет формы отражения действительности в сознании молодых людей, делая их противоречивыми, способы конструирования собственной реальности тоже становятся противоречивыми. Это становится причиной разветвления «социализационных траекторий молодежи» [Зубок, Чупров 2017, с. 28]. Когда в обществе четко не заданы траектории социализации молодежи актуализируется проблема отклоняющейся социализации.

В современном российском обществе фактами, свидетельствующими о распространении данного явления, выступают проявление коррупции в правоохранительных структурах, что свидетельствует о глубокой эрозии сферы профилактики правонарушений, в сфере образования – превращение знания в рыночную услугу, что тоже может стать причиной дисфункции данного института, поскольку приводит к формированию преимущественно инструментального отношения к знанию и к системе образования в целом в

молодежной среде. Чрезмерная занятость родителей по месту работы приводит к частичному отчуждению родителей по выполнению ими функции воспитания детей.

Если формальные социальные институты не выполняют эффективно общественные функции по выработке непротиворечивых, однозначно трактуемых социальных норм, по контролю за соблюдением требований норм, то данные функции начинают выполнять неформальные социальные институты (стихийные механизмы социализации). При этом в условиях социальной неопределенности складываются социальные организации, которые сознательно отрицают и или нарушают официальные нормы (например, экстремистские, террористические организации) [Кудрявцев, 2017, с. 37].

Таким образом, в социализации как механизме интеграции молодежи в социально значимые сферы современного общества наблюдаются изменения, связанные с усилением стихийных, а не целенаправленных процессов, соответственно в поведении выбор все чаще делается в пользу девиантного, а не нормативного поведения [Зубок, Чупров, 2017, 28].

Вторая причина изменения оснований социальных норм в социальной реальности молодежи связана с распространением в современном обществе ускоренных практик. Данные практики отражают быстро сменяющиеся, короткоживущие жизненные проекты, способы освоения реальности. С точки зрения З. Баумана ускорение темпов жизни – свойство современной, «текучей» социальной реальности. В социологии социальные практики ускорения связаны с инстант-культурой, идеология которой строится по принципу «все и сейчас!» По мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, постоянный поиск новых социокультурных образцов отражает стремление индивида оставаться современным, адекватным жизненным вызовам, следовательно, чувствовать себя уверенно в условиях постоянно меняющейся социальной реальности [Социология молодежи, 2011]. Включение в интернет-среду подавляющей доли молодежи выступает еще одним основанием для включения в инстант-культуру. В интернет-сообществах мгновенно распространяются ускоренные практики в форме «лайфхаков», способов обхода социальных запретов и т. д.

Стремительное распространение ускоренных практик становится серьезной проблемой для «тяжеловесных», медленно изменяющихся социальных институтов. Социальные институты отстают от данных практик, тем самым нормы, продуцируемые данными институтами, вступают в противоречия с быстроизменяющимися реалиями. Так, государственные органы пытаются путем санкций запретить использование тех или иных электронных мессенджеров, однако не могут сделать это, поскольку ответом на каждую санкцию становится распространение в молодежной среде новых способов обходов блокировки и распространения инновационных практик в этой области.

Как было отмечено выше, в современном обществе взамен тяжеловесных социальных структур в процессе социализации все чаще значимую роль играют субъективные факторы, отражающие активизацию саморегуляционных процессов в молодежной среде. Поэтому *третья причина с влиянием «значимых других»*, а именно интернет-блогеров, лидеров мнений в виртуальных социальных сетях и т. д. В этом случае активизируются механизмы саморегуляции духовной жизни субъекта в форме конструирования новой социальной реальности либо ее элементов. Значимые другие, которые транслируют негативные социальные практики, встраиваются в механизм регуляции социальных взаимодействий в молодежной среде [Сорокин, 2017, с. 65]. Данные процессы могут быть связаны с ресоциализацией, когда субъект осваивает социальные нормы и культурные ценности, ассоциированные с обновлением общественного развития, либо они могут протекать в рамках десоциализации. В случае десоциализации, по мнению Ковалевой А.И., социализация индивида приобретает фрагментарный характер, асоциальную или антисоциальную направленность [Ковалева, 2012, с. 61]. При этом следует заметить, изменения в ценностных ориентациях групп людей, потребности которых регулируют социальные институты, могут привести к изменению самих институтов. То есть институты продуцируют нормы,

данные нормы отражаются в массовом сознании, в дальнейшем образ нормы трансформируются в общественном сознании. Трансформирующийся образ изменяет социальный институт, если институт не меняется, не «синхронизируется» с трансформирующимся образцами в общественном сознании, то он в дальнейшем деформируется.

В-четвертых, изменению оснований социальных норм в современном обществе способствует глобализация и сопутствующие ей социальные изменения. Глобализация несет за собой распространение новых социокультурных образцов, которые могут существенно отличаться от культурных, нормативных эталонов, принятых в обществе, интегрирующийся в глобальное сообщество. По мнению Ковалева А.И., «глобализационные образцы размывают воспроизводство социально-типического в обществе». Под социально-типическим в личности Ковалева А.И. понимает совокупность типичных черт членов общества, представителей той или иной социальной группы, общности, является динамичным образованием, которое, сохраняя устойчивость и консерватизм основных своих элементов, изменяется под воздействием объективных и субъективных факторов» [Ковалева, 2012, с. 61]. В этих условиях социальные требования к индивиду становятся все более неустойчивыми, вследствие чего для значительной части молодежи снижаются возможности для успешной социализации.

Кравченко С.А. полагает, что «...безнормие стало нормой современной жизни...», а это стало возможным только в условиях глобализации. Развивая данную мысль, исследователь отмечает, что «сегодня мир становится все более глобальным, риск, уязвимости тоже становятся глобальными. При этом новые глобальные уязвимости строятся на новой социальной и культурной основе ... сегодня только в религиозных и этнических общностях могут сохраняться относительно долгоживущие нормы» [Кравченко, 2014, с. 5].

Пятая причина изменения оснований социальных норм в современном обществе обусловлена усиливающейся дифференциацией населения по различным основаниям. В молодежной среде линии раздела проходят, в первую очередь, по материальным основаниям, субкультурным, региональным, связанным с местом проживания, и т. д. Молодым представителям обеспеченных слоев населения часто удается уклоняться от ответственности, избегать наказания за совершенные правонарушения в силу возможности так называемой «уплаты штрафа на месте», в то время как для выходцев из малообеспеченных слоев населения схожее правонарушение может обернуться серьезным наказанием в виде лишения свободы. Уровень жизни в регионах в современном российском обществе различается порою очень сильно. Согласно данным Ростата, в 2016 г. уровень официально зарегистрированной безработицы в регионах Российской Федерации различался заметно: в г. Москва он составлял 1,8%, в Ивановской области – 5,6%, в Иркутской области – 8,8%, а в Республике Дагестан – 10,9%. Дифференциация регионов России по экономическим основаниям свидетельствует о различиях в возможностях для самореализации, построения карьеры молодых людей, проживающих в данных регионах.

В некоторых молодежных субкультурах (в субкультурах панков, фанатских сообществах) одобрительное отношение к противоправному поведению связано со смыслами, которые представители данных субкультур вкладывают в отношение к социальным нормам. Так молодой человек, вовлекаясь в практики употребления наркотиков, изначально вкладывает отличный от общепринятого смысл в понятие «наркотики», он их употребляет, поскольку с его точки зрения это повышает его социальный статус среди сверстников, он приобщается к чему-то сакральному, не доступному для большинства других, и это повышает его значимость в молодежном субкультурном сообществе. Очень часто употребление легких наркотиков служит своего рода вратами для входа в субкультурный мир молодежи. Молодые люди, принимая наркотики, изначально не видят в этом опасности, поскольку в некоторых субкультурах данные практики выступают нормой. Соответственно, в этом случае молодой человек, пробующий наркотик, становится «своим» в мире, где наркотик – это всего лишь сопутствующий фактор «успешной, правильной» жизни. Если

окружение молодого человека принимает реальность, в которой наркотики, алкоголь – это символы успеха и процветания, тогда данная реальность становится значимой и для молодого человека, и он принимает ее такой, какая она есть. Процесс осознания и принятия молодым человеком реальности мира своих сверстников (субъективной реальности) и превращение его в объективную реальность П. Бергер и Т. Лукман определили как объективацию.

Таким образом, вследствие дифференциации в молодежной среде, усиливающейся в переходный период развития современного российского обществе, представления о дозволенном у молодых людей заметно различаются, так как находятся во взаимосвязи с материальными, субкультурными, социальными основаниями. Универсальные основания социальных норм в молодежной среде размываются под влиянием данных факторов.

Рассмотренные причины изменения оснований социальных норм свидетельствуют о становлении нового феномена социальной реальности – нормативной неопределенности. Под нормативной неопределенностью мы понимаем *состояние переходного, трансформирующегося общества, в котором вследствие дисфункции социальных институтов, изменения регуляционных оснований социальных норм, продуцируемых данными институтами, в социальной реальности субъекта начинают доминировать неустойчивые, антиномичные, гибридные формы шаблонов и стандартов поведения, социальных ролей и социальных ожиданий, что отражается на поведении индивидов, социальных групп, в данном поведении начинают преобладать инновационные, отклоняющиеся формы.*

С точки зрения феноменологической социологии, «отклонение от институционально «запрограммированного» образа действий оказывается вероятным, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают» [Бергер, Лукман, 1995, с. 43]. В современном российском обществе постоянно реформируемые социальные институты утрачивают функцию по производству однозначно трактуемых, непротиворечивых социальных норм. Вследствие этого в молодежной среде формируется запрос на необязательное следование заданным обществом образцам поведения. В этих условиях молодежь конструирует собственную социальную реальность. Однако при этом «ее жизненные траектории находятся под влиянием изменяющейся реальности и каждого этапа развития общества» [Зубок, Чупров, 2017, с. 12]. Следовательно, в основе изменения механизма регуляции девиантного поведения молодежи сегодня лежат глубинные процессы, связанные с изменениями в социальной реальности молодежи. В условиях трансформации структурно-функциональных основ общества, распространения ускоренных практик инстант-культуры, усложнения механизмов функционирования общественных систем, усиливающейся дифференциации в молодежной среде возникают новые потребности, новые идентичности, новые культурные практики, мотивации и формы поведения. Данные процессы связаны с изменением и объективной социальной действительности, и субъективной действительности. Таким образом, в переходном обществе в молодежной среде формируется особый тип культуры, в которой девиация становится нормой. Вследствие этого меняются смыслы, которыми молодые люди наделяют социальные нормы.

Список литературы

References

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. – М.: «Логос», 2005. 390 с.
2. Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. 576 с.
4. Зубок Ю.А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора. В кн.: Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, реше-

ния. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 27–28 октября 2015 г.). – М.: «Изд-во Научная мысль», 2015. С. 174–188.

5. Зубок Ю.А., Сорокин О.В. Институциональные и саморегуляционные механизмы формирования политического сознания молодежи // Наука. Культура. Общество. № 1. 2010. С. 16–29.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Рискогенность изменяющейся социальной реальности как фактор развития молодежи. В кн.: Социологический альманах // Материалы VII Орловских социологических чтений (Орел, 18–20 декабря 2016 г.). – Орел: «Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС», 2016. С. 22–26.

7. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 10(1). 2017. С. 41–57.

8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. № 15. 2017. С. 12–48.

9. Ковалева, А. И. Траектории социализации. – М.: «Изд-во Моск. гуманит. ун-та», 2012. 184 с.

10. Кравченко С.А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования, № 8(364). 2014. С. 3–10.

11. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления): монография. – М.: «Норма : Инфра-М», 2017. 136 с.

12. Правонарушения в январе-апреле 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction (дата обращения: 2.09.2018).

Российский статистический ежегодник. – М.: «Росстат», 2017. 686 с.

14. Сорокин О.В. Социокультурные основания девиаций в молодежной среде // Мир образования – образование в мире. № 3. 2014. С. 145–151.

15. Сорокин О.В. Социальная регуляция девиаций в молодежной среде // Известия Российской академии образования. № 1(41). 2017. С. 65–71.

16. Социология молодежи: Учебник / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М.: «Норма, ИНФРА-М», 2001. 336 с.

17. Чупров В.И. Феноменологический подход к исследованию молодежного экстремизма. В кн.: Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 6 ноября 2015 г.). – Краснодар: «Изд-во Краснодарский университет МВД России», 2015. С. 15–21.

18. Чупров В.И., Осипова М.А. Социология управления. Теоретические основы. – М.: «РУДН», 2011. 172 с.

19. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М.: «Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

20. Heckert A., Heckert, D. A new typology of deviance: integrating normative and reactivist definitions of deviance // Deviant Behavior: An Interdisciplinary Journal, N 23: 2002. p. 449–479.